

Софи Оксанен
Когда исчезли голуби

ИСТОРИИ МЕЖДУ СССР
И ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ:
ЕДИНСТВЕННЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ
В ТЕМНОЕ ВРЕМЯ.
ПЕРЕВЕДЕН НА 30 ЯЗЫКОВ

Софи Оксанен

Когда исчезли голуби

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6978862

Оксанен, Софии Когда исчезли голуби : роман : АСТ : CORPUS; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-083652-9

Аннотация

Финская писательница с эстонскими корнями Софи Оксанен, несмотря на свою молодость, уже завоевала мировое признание. Лауреат финских премий Рунеберга и “Финляндия”, французской премии “Фемина”, Европейской книжной премии (Бельгия), Премии Северного совета и Литературной премии Шведской академии, часто называемой Малой Нобелевской, Оксанен награждена также медалью *Pro Finlandia* ордена Льва Финляндии и эстонским орденом Креста Земли Марии.

“Когда исчезли голуби” — третий ее роман об Эстонии, которая в 1940 году была включена в состав СССР, затем оккупирована нацистской Германией, а в конце войны вновь вошла в Советский Союз. Действие происходит в сороковые и шестидесятые годы XX века. Красавица Юдит и двоюродные братья Роланд и Эдгар оказываются в водовороте событий. Война, оккупация, смена властей всякий раз вынуждают их делать свой выбор, и пути их расходятся на всех перекрестках истории. Однако любовь и ненависть связывают их так прочно, что их судьбы переплетаются самым невероятным образом.

Содержание

Пролог	5
1948	5
Часть первая	6
1941	6
1941	12
1941	19
1941	22
1941	26
1941	30
1941	33
1942	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Софи Оксанен

Когда исчезли голуби

Sofi Oksanen

Kun kuuhkyset katosivat

Книга издана при финансовой поддержке *FILI* — *Finnish Literature Exchange*

© Sofi Oksanen 2012

© А. Сидорова, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS ®

Пролог

1948

Западная Эстония Эстонская ССР, Советский Союз

Мы подошли к могиле Розали, опустили полевые цветы на окутанный лунным светом травяной холм, постояли в тишине, разделенные цветами. Я не хотел, чтобы Юдит уходила, не хотел отпускать ее, и поэтому мне пришлось сказать то, что в данной ситуации говорить совсем не стоило:

— Мы никогда больше не увидимся.

Мои слова прозвучали сухо и резко, и я увидел блеск наполнивших ее глаза слез, тот самый блеск, что так часто обескураживал меня и превращал мой разум в кораблик из березовой коры, легко уносимый ветром. Вот и сейчас он раскачивался на волнах, поднимающихся в ее глазах. Может, я хотел справиться с собственной болью и поэтому произнес это так безлико, решил быть черствым, чтобы она по дороге проклинала меня и мою бесчувственность, а может, надеялся увидеть последнее доказательство того, что она не хочет уезжать — я никогда не знал, что она на самом деле чувствует, хоть мы столько пережили вместе.

— Ты жалеешь, что взял меня с собой после всего, что случилось? — спросила Юдит.

Я испугался ее прозорливости, обескуражено вытер шею. Она успела постричь меня еще вечером, волосы попали за шиворот и щекотали кожу.

— Ничего, я понимаю, — сказала она.

Я не стал возражать, хотя мог бы. Не считал, что без нее в лесу было бы легче. Лишняя обуза, как говорили мужики. Но я не мог не забрать ее в лес, узнав, что она бежала из Талина, когда русские подошли совсем близко, и укрылась в доме АРМов. Там было небезопасно, в лесу надежнее. Она была словно раненая птичка на ладони, слабая и чуть живая. Неделями жила в состоянии постоянного напряжения. Лишь после того, как наш фельдшер погиб в сражении, мужики разрешили госпоже Вайк прийти помочь нам, нам и Юдит. Мне в очередной раз удалось ее спасти, но как только она вступит на синеющую перед нами дорогу, я больше не смогу ее защищать. И тут мужики, конечно, правы: место женщин и детей — дома, Юдит должна вернуться в город. Кольцо вокруг нас сжималось, в лесу становилось опасно. Я следил краем глаза за выражением ее лица: она смотрела на дорогу, по которой ей предстояло идти, рот был приоткрыт, она всеми силами втягивала в себя воздух, а выдыхала холод и дрожь, которые, казалось, вот-вот заставят меня поменять решение.

— Так будет лучше. Лучше для всех нас. Ты вернешься к той жизни, от которой ушла, — сказал я.

— Это теперь не та жизнь. Она уже никогда не будет прежней.

Часть первая

Тогда охранник Марк подтащил их поодиночке к краю рва и расстрелял из пистолета.

12 000. Материалы судебного процесса над фашистскими убийцами Юханом Юристе, Карлом Линнасом и Эрвином Виксом, проходившего в Тарту 16–20 января 1962 года. Составители Карл Леммик и Эрвин Мартинсон. Перевод с эстонского. Таллин, Эстонское государственное издательство, 1962

1941

Северная Эстония Эстонская ССР, Советский Союз

Шум нарастал, но я знал, что ждет меня за деревьями. Я посмотрел на свои руки, они не дрожали. Через мгновение я уже буду бежать в сторону приближающейся автоколонны и забуду про Эдгара и его нервы. Краем глаза я видел, как он трясущимися руками теребит галифе, а его лицо приобретает не подходящий для сражения цвет. Совсем недавно все мы проходили обучение в Финляндии, и я заботился об Эдгаре как о малом ребенке, но на фронте все было иначе. У нас было задание. Здесь. Скоро. Сейчас. Я побежал. Ручные гранаты больно били по бедрам, я подхватил одну из них, и мои пальцы отправили ее вращаться в воздухе. Рубашка финской армии, полученная нами на острове, все еще ощущалась как новая, и это придавало сил. Скоро все мужчины моей страны будут носить только эстонскую форму, и никакую другую, ни завоевателей, ни союзников, только свою. Это наша цель, мы хотим получить назад свою родину.

Я слышал, как другие бегут за мной следом, как земля прогибается под нашими ногами, и рванул еще быстрее в сторону нарастающего гула моторов. Я чувствовал запах вражеского пота, во рту нарастал вкус ярости и железа, в моих сапогах бежал кто-то другой, тот же бездушный воин, который в недавнем бою спрыгнул в ров и бросал гранаты в бойцов истребительного батальона, чека, пружина, бросок, это был кто-то другой, чека, пружина, бросок, и этот кто-то бежал навстречу реву моторов. Все наши автоматы смотрели в сторону автоколонны. Их оказалось больше, чем мы думали, бесконечно много, русских и бойцов-истребителей с эстонской выправкой, и у них бесконечно много машин и оружия. Но мы не испугались, испугались враги, в нашем лице бежала ненависть, и бежала она с такой силой, что противники на мгновение остановились, колеса их грузовика прокручивались впустую, наша ненависть сковала наших врагов, и тогда мы открыли огонь; я бросился вместе со всеми к грузовику, и мы перебили их всех.

Мышцы рук дрожали от вылетающих пуль, запястья гудели от тяжести бросаемых гранат, но постепенно я осознал, что все кончено. И только когда мои ноги привыкли к стоянию на месте, а гильзы больше не падали дождем на землю, я вдруг понял, что окончание боя не несет в себе тишины. Оно приносит гул — шорох червей, жадно поднимающихся из-под земли к мертвым телам, поспешный шепот приспешников смерти, стремящихся к свежей крови. Оно приносит вонь — тяжелый дух, исходящий от испражнений и смердящей желудочно-кислотной слюны. Яркий свет ударил в глаза, пороховой дым рассеивался, и казалось, что на краю облака появилась яркая золотая повозка, готовая забрать всех павших с собой, наших, бойцов-истребителей, русских, эстонцев — всех в один кузов. Я прищурился.

В ушах гудело. Я видел, как мужики тяжело вздыхают, вытирают пот со лба, качаются на месте, словно деревья. Я старался взглянуть на небо, на сверкающую повозку, но стоять, опираясь на покореженный грузовик, мне не позволили. Самые проворные уже действовали, словно купцы на рынке: надо было собрать оружие у убитых, только оружие, пояса и ленты с патронами. Мы обшаривали мертвые тела, подергивающиеся конечности. Я снял патронташ с вражеского пояса, как вдруг в мою лодыжку кто-то вцепился. Хватка была на удивление крепкой и потянула меня к хрипящему у самой земли рту. Колени подвели меня, и, не успев прицелиться, я рухнул рядом с умирающим, в таком же беспомощном состоянии, как и он сам, уверенный, что мой час пробил. Однако взгляд парня не был направлен на меня, с трудом выговариваемые слова были обращены к кому-то другому, к кому-то близкому, я не понял его слов, он говорил по-русски, но голос его был таким, каким мужчины разговаривают только со своими невестами. Я бы понял это, даже если бы не увидел фотографии в его грязных пальцах и белого подола на фотографии, который теперь был окрашен кровью любимого, палец закрывал лицо девушки. Резким движением я выдернул ногу из его руки, и жизнь погасла в его глазах, где за мгновение до этого я увидел себя. Я заставил себя встать, надо было идти дальше.

Как только оружие было собрано, вдали снова послышался шум моторов, и сержант Аллик дал приказ к отступлению. Мы предполагали, что истребительный батальон ждет подкрепления, прежде чем пойти в новое наступление или искать лагерь, но так он это дело не оставит. Наши пулеметчики уже добрались до края леса, когда я увидел знакомую фигуру, скачущую на теле убитого, — Март. Его ноги успели проломить череп, мозги смешались с грязью, а Март все бил, бил и бил, словно хотел пробить прикладом дырку до самой земли. Я подбежал к нему и с силой вlepил ему затрещину, что заставило его выпустить автомат из рук. Март стал отбиваться, ничего не видя вокруг, не узнавая меня, рычал на невидимого противника и беспорядочно рубил руками воздух. Мне удалось связать его ремнем, который я вытащил из собственных штанов, и привезти к перевязочному пункту, где все срочно собирали инструменты. Я прошептал, что хорошо бы приглядеть за этим парнем, и постучал по виску. Фельдшер взглянул на бушующего Марта, на появившуюся в уголках рта пену и кивнул.

Сержант Аллик поторапливал нас, выхватил у кого-то из рук фляжку с алкоголем и закричал, что эстонцы не сражаются во хмелю, в отличие от русских Иванов. Я стал искать Эдгара, я подозревал, что он струсил и убежал, но кузен сидел на камне, закрыв рукой рот, и лоб его был мокрым от пота. Я взял его за плечо, и, когда убрал руку, он стал яростно тереть грязным носовым платком то место, которого коснулась моя запачканная кровью ладонь.

— Я на это не способен. Не обижайся.

Неожиданное отвращение поднялось во мне, я вспомнил, как мать прятала кофе и тайком варила его Эдгару, не мне. Я встряхнул головой. Надо было собраться, забыть кофе, забыть Марта и то, как я вдруг почувствовал себя тем мужиком, которого увидел в его помешавшемся взоре, тем мужиком, что в моих сапогах бежал в бой. Надо забыть неприятеля, вцепившегося в мою ногу, в глазах которого я узнал себя, забыть то, что я не увидел себя во взгляде сержанта Аллика. Ни во взгляде фельдшера. Никого из тех, кто, как я и предполагал, дойдет до конца. Это было уже третье сражение после моего возвращения из Финляндии, я все еще был жив, на моих руках была вражеская кровь. Откуда вдруг взялись эти сомнения? Почему я не узнал себя в тех, кто, я был уверен, доживут до мирного времени?

— Собираешься ли ты искать наших или останешься здесь и будешь сражаться? — спросил Эдгар.

Я отвернулся к деревьям. У нас было задание: ослабить захватившую Эстонию Красную армию, передавать сведения о продвижении армии союзникам в Финляндию. Я хорошо помнил, как мы с удовольствием передевались в новую финскую военную форму и по вече-

рам распевали в строю *Saa vabaks Eesti meri, saa vabaks Eesti pind*¹. После возвращения в Эстонию мое подразделение успело перерезать лишь несколько телефонных линий, после чего радиосвязь прекратилась, и мы решили, что будет полезнее, если мы объединимся с другими бойцами. Сержант Аллик показал себя очень решительным, лесные братья продвигались вперед с невероятной скоростью.

— Беженцам необходимо прикрытие, — прошептал Эдгар. Он был прав. Двигающуюся под сенью леса группу сопровождало много хороших мужчин, но двигались они все же медленно, так как единственный возможный путь пролегал через болото. Мы сражались как безумные, чтобы дать им чуть больше времени, чтобы задержать неприятеля, но было ли этого достаточно? Эдгар почувствовал, как скачут мои мысли. Он добавил: — Кто знает, как там дома. От Розали нет вестей?

Я покачал головой прежде, чем успел даже подумать об этом, и отправился доложить, что мы уходим прикрывать беженцев, хотя я был уверен, что Эдгар придумал все это, чтобы избежать нового наступления и тем самым спасти собственную шкуру. Но кузен знал и мое слабое место. У нас у всех остались дома невесты и жены, но только я искал в моей женщине причину не ходить в бой. Я заверил себя, что мой выбор очень честный, даже разумный.

Капитан считал наш уход хорошим решением. Несмотря на это, пока мы шли, я все время чувствовал себя потерянным. Возможно, оттого, что слух все еще не вернулся в левое ухо или, может, последние слова неприятеля своей невесте все еще эхом отдавались в моей голове. Казалось, что все случившееся было неправдой, но запах смерти так и не сошел с моих рук, хотя я долго мыл их в попавшемся по пути ручье. Линии на ладони — жизни, сердца и ума — были все такими же, темно-коричневыми, засохшая кровь проникла глубоко в плоть, и я по-прежнему шел рука об руку с мертвецами. Время от времени я вспоминал, как ноги мои бежали в сражении, как руки, не колеблясь ни минуты, нажимали на курок, выпуская автоматную очередь, а когда закончились патроны, схватились за пистолет, а после этого бросали подобранные с земли камни и наконец разбили голову красноармейца о крыло грузовика. Но все это был не я, а тот, другой.

Мой компас пропал во время сражения, и двигались мы по незнакомому лесу. Несмотря на это, я упрямо шел вперед, словно бы знал, куда идти, и немного взбодрился, только когда вновь услышал пение птиц. Через некоторое время Эдгар наверняка заметит, что иду я не так уж и уверенно, но вряд ли он будет жаловаться, для нас было безопаснее держаться в стороне от беженцев, за которыми охотился истребительный батальон. Произносить это вслух необходимости не было. Несколько раз Эдгар говорил, что лучше бы нам спокойно дожждаться прихода немцев, все остальное бесполезно и рисковать на этом этапе уже не стоит. Я не слушал его, а шел вперед: я бы отправился в дом Армов, чтобы защитить Розали и ее семью, я бы проверил еще, как там дела у Симсонов, и если бы бои продолжались, я бы нашел надежного лесного брата и вступил бы в его отряд. Эдгар шел за мной следом, так же, как тогда по Финскому заливу, направляясь на обучение. Пузырящаяся в трещинах вода заставила побледнеть щеки кузена, ему очень хотелось вернуться назад. Когда лыжи обледеневали, я счищал налипший снег и за него тоже. А потом мы снова шли гуськом, я впереди, Эдгар за мной, так же, как сейчас. На сей раз мне хотелось держаться от него подальше, хотелось, чтобы пыхтение брата смешалось с шелестом деревьев. Пальцы мои дрожали, когда я доставал пакет с табаком, и я не хотел, чтобы Эдгар это увидел. Выражение лица того парня, что схватил меня за ногу, снова и снова возвращалось ко мне, и я ускорил шаг, рюкзак тянул меня к земле, но я упрямо шел вперед, я хотел, чтобы лицо этого парня

---

¹ “Стань свободным, эстонское море, стань свободной, эстонская земля” (*эстон.*). В оригинале песня начинается словами: *Jää vabaks* (“Оставайся свободным”), но в период оккупации эстонцы переделали начало песни на *Saa vabaks* (“Стань свободным”). (*Здесь и далее — прим. перев.*)

осталось позади, парня, который умер, я был уверен, от моей пули, парня, невеста которого никогда не узнает, где остался ее жених, и чья последняя мысль была: я тебя люблю. Были и другие причины к тому, почему я так охотно ушел, оставив других готовиться к следующему наступлению. Немецкие союзники вызывали во мне опасения уже давно.

Они отправили нас в тыл Красной армии, снабдив несколькими гранатами, пистолетами и нерабочим радиоустройством. Всё. У нас не было даже нормальной карты Эстонии. Они отправили нас на убой, это точно. И несмотря на это, я продолжал выполнять приказы и запретил себе сомневаться. Как будто нас ничему не научили прошлые столетия, когда балтийские бароны драли с нас живьем шкуру.

До поездки на остров Стаффан я собирался примкнуть к отрядам Зеленого капитана, готовить диверсии. Но планы мои изменились, когда меня позвали принять участие в обучении, которое проводила Финляндия, море к тому времени замерзло и предоставило нам легкий путь через залив. Я решил, что это знак судьбы; в рядах лесных братьев царили такая беспшабашность и легкомыслие, с которыми ни войну не выиграть, ни оккупантов не прогнать, ни родных из Сибири не вернуть, ни дома не отвоевать. Я считал деятельность Зеленого капитана слишком рискованной — он носил в нагрудном кармане блокнот, куда заносил сведения обо всех своих бойцах и подробно записывал планы вылазок и подземных ходов. Мои сомнения подтвердились после разговора с дочерью Марта. Она рассказала, что истребительный батальон нашел продуктовые книги ее матери, куда она старательно записывала, кто и когда обедал у них, поскольку Зеленый капитан пообещал, что впоследствии все затраты будут ей возмещены. Теперь же дом Марта являл собой дымящиеся развалины, сам он лишился разума, а его дочь бредет где-то впереди нас вместе с другими беженцами. Часть лесных братьев, сведения о которых нашли в продуктовых книгах, были уже расстреляны.

Я понимал, что эти года все хотели вспоминать с чистой совестью, потом, когда Эстония снова станет свободной, а для доказательства законности и справедливости поступков потребуются свидетельства. Однако хорошее поведение было чем-то недоступным для нас, большевистские меры показали, что наша страна и наши дома находятся во власти людей необразованных. И все же вслух капитана никто не осуждал. Как человек начитанный, герой Освободительной войны, он знал о сражениях гораздо больше, чем я, и в его учении было много мудрости. Он инструктировал молодежь, учил стрелять, работать на аппарате Морзе и заботился о том, чтобы самое необходимое для леса умение — бег — отрабатывался по многу раз на дню. Если бы не привычка Зеленого капитана старательно заносить все в свой блокнот, я, скорее всего, остался бы в его отряде в Эстонии. Точнее, если бы у его людей не было фотокамеры. Я провел с ними некоторое время, и однажды утром все заговорили о групповой фотографии. Один незнакомый мне боец уклонился от этого, и я последовал его примеру, сказал, да чего там, все равно я к группе вашей не отношусь. Парни позировали перед землянкой, опираясь друг другу на плечи, с ручными гранатами на поясе, кто-то, кривляясь, засунул голову в граммофон. Перед ними поставили рюкзак, полный денег коммунистов из сейфа мэрии, тех денег, которые еще накануне Зеленый капитан раздавал служащим мэрии пачками, понимая, что его все равно обвинят в краже со взломом. “Берите, не стесняйтесь, — говорил он, — это рубли, конфискованные у Советского Союза, они должны вернуться к гражданам”.

Капитан стал легендой при жизни, мне таким никогда не стать, да и не хотел я быть героем. Можно ли считать это слабостью? Чем я лучше, чем Эдгар?

Розали гордилась бы фотографиями, сделанными как на учебном острове, так и в отряде Зеленого капитана. И все же я не хотел повторять ошибок капитана и поэтому сопротивляющимся пальцами разорвал на мелкие кусочки даже фотокарточку Розали. Ее взгляд

всегда утешал меня в минуты отчаяния, и я знал, что в тот момент, когда жизнь потечет из моих жил в землю, Розали понадобится мне, она нужна была мне уже сейчас, когда мы пробирались сквозь камни и мох, оставив позади наших боевых братьев, мне нужен был ее взгляд. Плетущийся позади меня Эдгар никогда не носил при себе каких-либо воспоминаний о своей жене. Когда он появился в лесной избушке, где я ждал отправки в Финляндию, то сразу дал понять, что о его возвращении в родные края никто не должен знать. Забота армейского дезертира о своих близких была вполне оправданной, о слабых нервах матери было известно многим. И все же я не мог представить себе, что поступил бы так же, не сообщив ничего Розали. Я слышал тяжелое дыхание Эдгара у себя за спиной и не мог понять, почему он хочет, чтобы его жена верила в то, что он все еще служит в Красной армии. Я хотел поскорее увидеть Розали, Эдгар же ни словом не обмолвился о том, чтобы встретиться с женой. Я даже стал подозревать, не собирается ли он подло бросить ее, может, нашел себе новую подружку, где-нибудь в Хельсинки. Эдгар часто отлучался по собственным делам, засиживался в ресторане “Клаус Курки”. Но, вопреки моим подозрениям, его взгляд никогда не был затуманен женщиной, да и водкой он не очень-то увлекался, не то что мы все, и доказательством тому было его вечно свежее дыхание по возвращении. Эдгар носил ту же бесплатно выданную нам спортивную одежду, хотя и кривил рот по поводу ткани и фасона. Но в таком костюме уж точно не пойдешь на прогулку с дамой, да и развлечь ее на предоставляемые нам в день двадцать марок тоже вряд ли получится, не говоря уж о публичных домах. Денег едва хватало на табак, носки и самое необходимое.

На Эдгара смотрели с недоверием, считали его не таким, как все, я даже боялся, что его отправят с острова восвояси без всякого задания. Именно поэтому я действительно много помогал ему, особенно после того, как он прикладом рассек себе глаз и боязнь стрельбы переросла в панику. В то же время я удивлялся, как же он справлялся в Красной армии и откуда у него появился столь плотный жирок на животе, ведь вряд ли армию снабжали одним лишь маслом и белым хлебом. Правда, на острове умасленный сливками живот быстро пропал, в Финляндии все было по карточкам.

Эдгару многое прощалось, так как он был прирожденный оратор. Когда из генералитета Финляндии стали присылать лекторов, он наконец-то смог продемонстрировать свое глубокое знание Красной армии, отточенное владение русским языком и даже попытался научить других прыгать с парашютом, хотя сам ни разу так и не прыгнул. Вечера он проводил, корпя над поддельными документами, необходимыми для возвращения в Эстонию, мне он рассказывал о формировании идеальной группы, основа которой будет заложена на острове. Я слушал его вполуха, в отличие от других я давно привык к тому, что мой кузен вечно что-то выдумывает. Другие же слушали его с предельным вниманием — свободного времени у нас было предостаточно, обычно оно тратилось на подробное обсуждение каждой встреченной лотты², словно это была сама прародительница Ева. Я проводил время, думая о Розали и весеннем севе. Мы узнали о депортациях в июне. Об отце я не слышал ничего с того дня, как его задержали в прошлом году. Мать тогда плакала и говорила, что отцу стоило бы спеть “Интернационал”, да снять шапку, пока поют, да попридержаться язык на собрании, да не противиться национализации, но я знал, что отец все равно бы не смог. В результате Симсоны потеряли дом, сын ушел в лес, а отец оказался в тюрьме. Он стал показательным примером — предупреждением для остальных. При этом людей успокаивали, что землю отбирать не будут, но кто же поверит большевикам.

Эдгара положение Симсонов не сильно тревожило, хотя именно наша семья заплатила за его обучение, за все те школы, о которых Эдгар теперь с упоением рассказывал всем остальным, о студенческой жизни в Тарту и всякое такое, а студентов в наших рядах было

² Лотты — так называли участниц финской женской военизированной организации “Лотта Свядт”.

гораздо больше, чем фермеров. О том, каким узким был круг виденной ими жизни, можно было судить, наблюдая, как Эдгар и другие студенты посмеивались над всем, что считали примитивным. В их устах слово “необразованный” было ругательством, и свое отношение к человеку они строили исходя из того, проучился он три класса или больше. Иногда их речи звучали так, как будто они до одури начитались английских шпионских романов и теперь уверены, что прошедшие обучение на острове Стаффан в считанные дни разберутся с Красной армией. Эдгар проповедовал эту мысль активнее всех. Я решил для себя, что это связано с жадой приключений, трусов в нашей команде не было, и это вызывало доверие, я перестал думать о том, что выйдет из всей этой затеи. Основные этапы были одинаковы для всех, все выучились на радистов, все отработывали азбуку Морзе, и хотя заряжал Эдгар долго и неумело, но отстукивал он своими шелковыми пальцами очень ловко, до ста знаков в минуту, тогда как мои руки были гораздо больше приспособлены для плуга. В самых важных вопросах и в надеждах на англичан мы, к счастью, были согласны.

У меня созрел план: вместо фотокарточки Розали я еще со времен острова держал в нагрудном кармане листки бумаги с дырочками для подшивки, чтобы потом собрать их в папку, — носить все записи с собой было слишком опасно. Я также купил блокнот с клеенчатой обложкой, чтобы вести дневник. Я намеревался собирать факты бесчинств и преступлений, творимых большевиками. А когда придет мирное время, передать эти записи искусным летописцам, тем, кто будет писать историю этой освободительной войны. Сознание важности и необходимости этой задачи поддерживало во мне боевой дух, когда мне начинало казаться, что я не принимаю участия в осуществлении больших планов только по трусости или что выбрал этот путь, лишь бы избежать боев. И все же у меня было дело, которым гордился бы мой отец. Я не собирался записывать ничего такого, что могло бы кому-то повредить, выдать наших связных. Я не планировал записывать их имена или упоминать названия местности. Я с удовольствием приобрел бы фотокамеру, но не для того, чтобы фотографировать лесных братьев. Глаза шпионов сверкают повсюду. В них блестит золото, у нас же в глазах блестела наша земля.

1941 Таллин Эстонская ССР, Советский Союз

Зерновые склады горели, и в небе вырастали столбы дыма. Автобусы, грузовики и легковые автомобили заполнили дороги, все спешили, колеса торопились не меньше людей. Взрыв! Огонь противозвушной обороны. Осколки словно ливень. Юдит сидела, открыв рот, в углу на кухне своей матери, которая сбежала в деревню к сестре Лийе, оставив Юдит ждать бомбу в одиночестве, бомбу, которая всему положит конец. Дороги, ведущие из Талина в Нарву, забиты повозками эвакуирующихся, говорят, даже образован специальный комиссариат — по эвакуации скота, по эвакуации зерна и чечевицы, по эвакуации чего угодно — большевики хотели всё увезти с собой, всё до последнего, даже половинки картошки, лишь бы ничего не оставить ни немцам, ни эстонцам. Солдатам было приказано опустошить поля. Всё в сторону Нарвы, всё в сторону портов. Взрыв.

Юдит прижала ладони к ушам, так сильно, как только смогла. Она уже свыклась с тем, что город будет разрушен прежде, чем сюда придут немцы, но надеялась, что ее час пробыет в более будничной атмосфере, что последние, услышанные ею звуки будут звон чайной ложечки о блюде, легкое перекачивание шпилек в шкатулке, приглушенный стук кувшина с молоком, поставленного на стол. Птицы! Их песни! Но люфтваффе и зенитные пушки поглотили всех птиц, она никогда больше не услышит их пения. Ни рычания собак. Ни мяуканья кошек, ни карканья ворон, ни странных стуков сверху, ни детских голосов снизу, ни топота ног посыльного мальчика, ни скрипа тележки, ни грохота жестяного ведра, когда соседка ударяется головой о притолоку прямо под окном Юдит. Носить ведро на голове не так уж глупо, Юдит тоже примеряла ведро, правда, дома и тайно от всех, позировала перед зеркалом и думала, почему модистки до сих пор не придумали шляп, которые можно было бы носить поверх небольшого ушата или ведра. Успех был бы обеспечен. Все женщины, словно дети, неисправимые чудачки, для защиты их голов нужны именно такие причудливые штуки, как ведра-шляпы. Но теперь звуки жестяного ведра уже остались в прошлом, там, где еще были будни. Будни, не отмеченные утратами и не окрашенные в красный цвет большевиками, обычные будни, со всеми их будничными звуками. Еще весной брат помог Юдит переехать к матери, на улицу Валге-Лаэва³, так, на всякий случай, но, несмотря на это, дни следовали один за другим, хотя брата с женой забрали в июне, и с тех пор Юдит ничего не слышала ни о Йохане, ни о золовке, а в доме Йохана поселились чужие важные люди из комиссариата. Муж Юдит был мобилизован в Красную армию и того раньше. Жившую этажом ниже, под матерью, Элису осудили за контрреволюционную деятельность — ее обвинили в том, что она знала, что Карин, снимавшая у нее квартиру, собиралась бежать из страны. Юдит тоже допросили по делу Карин. Но даже после этого дни по-прежнему сменяли друг друга и превращались в будни, что само по себе все равно было лучше, чем эти вот дни зачистки. Розали жила в деревне у тети Леониды и продолжала доить коров, несмотря на то что семья ее жениха подверглась террору: у Симсонов отобрали дом, отца Роланда арестовали, а его матери пришлось переехать к Розали. За это Юдит была очень Розали благодарна. Она сама не вынесла бы жизни со свекровью даже в такое бедственное время, у нее не было такого терпения, как у Розали. Если бы муж Юдит узнал о том, что произошло, он получил бы еще один повод к обвинениям, его мамуля не заслуживает такого равнодушия со стороны его

---

³ Улица Белого Корабля (от эст. *Valge laev*, белый корабль). Улицы с таким названием не существует в Таллине. Образ белого корабля символизировал путь к свободе.

жены. Может, и нет, но Розали ухаживала за свекровью гораздо лучше, чем Юдит, и наверняка вскоре наполнит дом маленькими детишками, к большой радости свекрови. Но Юдит этого уже не увидит.

Она стала думать, какие образы и какие звуки она хотела бы поднять из глубин прошлого, чтобы вновь прочувствовать их напоследок, перед тем как все закончится. Может быть, день из детства, Розали и доносящиеся из кухни звуки, мгновение, которое прозвучало бы так же, как все обычные утра мирного времени, когда день обещал быть таким же, как вчера, день, когда стоящий под окнами мамы фанерный стул Лютера со скрипом ехал по полу, и этот скрип раздражал Юдит, день, когда в голове у Юдит не было никаких важных мыслей и даже такие ничтожные вещи выводили ее из себя. Хотя, возможно, она хотела бы вспомнить перед смертью то время, когда она была еще незамужней девушкой, когда не было на свете ничего более возбуждающего, чем завернутое в шелковую бумагу платье в коробке, платье для будущего сватовства... О муже она не хотела бы думать ни в коем случае. Она закусила губу — муж не выходил у нее из головы, как она ни старалась. Если бы озаривший вдруг комнату взрыв пришелся на ее дом, мысль о муже стала бы ее последней мыслью. Новый взрыв заставил мышцы вздрогнуть, но сами бомбы ее уже не пугали, она даже не прятала голову в колени.

Мысль о том, что она будет погребена вместе с городом, возникла у нее за день до отъезда матери и так прочно засела там, как будто ни о чем другом она никогда и не мечтала. Таллин она любила, а свою свекровь нет, свекровь же жила теперь в доме Армов. Именно туда пыталась заманить ее мать, вся семья была теперь под крылом тети Леониды, и в такие дни надо держаться за своих близких.

— Слава богу, твой отец не видит всего этого. Что ж, поделим лишние рты, пусть одна моя сестра возьмет к себе меня, а другая тебя. Ненадолго. И, Юдит, прошу тебя, постарайся не ссориться со свекровью.

Юдит изобразила согласие, лишь бы только отправить мать в дорогу. Она не собиралась ехать к тете Леониде. Юдит, в отличие от матери, не очень-то верила в победу и в душе была благодарна, что воспаление легких забрало ее отца, когда в мире все еще было хорошо, отец не вынес бы прихода большевиков и исчезновения Йохана. Человеческие ресурсы Советского Союза были неисчерпаемы, с чего вдруг ситуация изменилась бы именно сейчас? Почему не раньше, до июньских репрессий, до того, как был задержан ее брат? Грохот боев катится вперед тяжелыми грязными колесами танков, он убьет их всех, это ясно. Юдит закрыла глаза, в комнате было светло: рассекавшие воздух полосы света напоминали салют в прибрежном ресторане “Пирита” в честь Иванова дня, к тому времени она уже целый год была замужней женщиной. Тогда Юдит еще не затыкала уши, у нее были другие заботы — все ее желания и мысли сводились к мужу или, точнее, к тому, каким она его себе представляла. И в тот вечер в “Пирите” она желала его, желала страстно. Она представила себя той летней ночью, явственно видела перед глазами пылающие смоляные бочки, лес, вздымающийся, словно проснувшийся после зимней спячки еж. Она пробовала языком вкус слегка прогорклой помады, чуть-чуть размазавшейся, но это не беда, это было лишь знаком того, что рот ее целовали, и музыканты играли что есть мочи, и в песне говорилось о быстротечной, как сон, молодости, об оленях, что беспечно пьют воду у ручья, и ночь была полна перешептываний о цветке папоротника, которые сопровождались неоднозначными улыбками и ужимками, и незамужние подруги Юдит хихикали и призывно потряхивали распущенными волосами, у них все было еще впереди, и предсказания волшебной ночи все еще могли обернуться правдой. Юдит чувствовала, как замужество лущит кожу ее щек, лишает мышцы упругости, а дыхание легкости. Так как в этом не было ничего такого, к чему стоило бы стремиться, она изображала перед подругами умудренную опытом женщину, немного лучше, немного умнее, и держала мужа за руку со спокойной уверенностью замужней дамы, одно-

временно стараясь задушить в себе росток горькой зависти, зависти к подругам, к тем, кто еще никого не выбрал и кого не выбрали на виду у всех, перед алтарем. Но потом муж Юдит подхватил ее танцевать и стал повторять слова песни о том, что его женушка маленькая, как карманные часики, и необъятная нежность его голоса унесла их далеко от всех остальных, оркестр уже играл другую мелодию, беспечные олени позабылись, а Юдит вспомнила, почему она вышла за него. Этой ночью. Этой ночью обязательно получится.

Юдит распахнула глаза, она опять думала о муже. Над Финским заливом, казалось, всходило солнце. Но это был не отблеск восхода, а зарево спасающегося в море Красного Талина, сирены визжали, словно растревоженные птицы. Звуки отступления. Юдит сделала несколько осторожных шагов по комнате и прислонилась к стене. Ей не верилось, что большевики могут уйти. Опустившись на пол в углу спальни, она поняла, что самолеты люфтваффе бомбят теперь лишь убегающие корабли, а вовсе не Таллин, однако факт этот не принес облегчения. Слишком уж хорошо помнили дрожащие ноги, что значит звук приближающегося самолета — надо бежать в кусты, в укрытие, куда-нибудь, как тогда в деревне, где она помогала Розали и тете варить самогон и в небе неожиданно появился неприятель: тетя отпихнула кастрюлю в сторону, все они бросились к деревьям и, тяжело дыша, смотрели на низко летящий самолет, чье пузо, к счастью, было пустым.

Юдит прислонилась спиной к стене, ногами прочно уперлась в пол. Она была готова встретить удар. Несмотря на то что воздух был тяжелым от гари, знакомые запахи не исчезли бесследно, стены все еще пахли домом пожилого человека, чем-то далеким и надежным. Юдит уткнулась носом в обои. Их рисунок был такой же старый, как и в доме у Йохана, в тех комнатах, где Юдит жила вместе с мужем, ожидая, когда будет достроен их собственный дом. Его так и не успели построить, она никогда не обставит его мебелью. И никогда не увидит на стенах новые обои с кувшинками, которые она выбрала в лавке у госпожи Мартинсон, без конца меняя решение и споря из-за каждого цветка по очереди с мужем, братом и золовкой, которая хотя бы понимала, насколько важен для нее этот выбор. Тогда Юдит вышла из магазина с чувством облегчения, радуясь, что отныне ей не придется больше просматривать образцы обоев, сравнивать их между собой у себя дома, а потом еще раз у госпожи Мартинсон и опять дома. Она даже взяла напрокат машину, чтобы поскорее сообщить радостную новость мужу, который тоже вздохнул с облегчением, после чего это событие было отпраздновано вместе с золовкой в ресторане “Нымме”, где крем от пирожных попал ей в нос, который тогда был еще гладким и горячим, так как она каждый вечер очищала лицо сахаром. Подумать только, сахаром! Пили ли они коктейли, танцевали ли в тот вечер?

И действительно ли муж потом присоединился к ним? И думала ли Юдит опять, что этим вечером, этим вечером обязательно все получится? Думала ли она в тот день так, как думала и желала раз за разом?

Конец, которого ждала Юдит, так и не наступил. Утром город пошатывался, горел и дымился, но он не исчез, и она все еще была жива. А вот Красной армии не было. Доносящиеся с улицы радостные возгласы заставили ее подползти к заклеенному бумагой окну и открыть его, не обращая внимания на осколки. Войска вермахта заполнили дорогу, касок и велосипедов было так много, что сосчитать их не представлялось возможным, коробки противогазов раскачивались из стороны в сторону, солдаты тонули в море цветов. Юдит высунула руку на улицу, в воздухе кружились улыбки, словно пузырьки в лимонаде, руки махали освободителям, гоняя ветер, наполненный девичьими запахами, и ладони были словно листья на летних деревьях, дрожали и трепыхались, среди них другие руки рвали листовки компартии, картинки с портретами руководителей, чьи рты уродливо разъезжались, головы крошились, шеи расползались, чьи-то пятки вдавливали их глаза в землю, яростно сыпали песок в их бумажные рты, обрывки разлетались по улице, словно конфетти; разбросанные

повсюду осколки стекла скрипели под ногами, как свежесыпавший снег. Ветер с шумом захлопнул окно, Юдит вздрогнула.

Этого не должно было произойти. А как же конец, которого она так ждала? Юдит была разочарована, решения проблем не последовало. Она дышала пробивающимся с улицы воздухом свободного Талина. Несмело, чуть-чуть. Так, будто неосторожное дыхание может спугнуть мир или будто ее накажут за то, что она не верила в победу немцев и отступление Советского Союза. Выбежать на улицу она не осмеливалась, и дело было не только в заплетающихся от волнения ногах, но и в несоответствующих мыслях, которые выскакивали наружу, словно соседская девочка, выбежавшая во двор с криком: «Папа едет домой!» Ее крик напомнил Юдит о том, в каком она положении, и ей, как старухе, пришлось опереться на стул, поднимаясь с пола.

Очень скоро разворованные Красной армией магазины вновь наполнятся товарами и откроют двери для покупателей, девушки-продавщицы за прилавками будут заворачивать покупки в бумагу, очистные сооружения починят, мосты поднимутся над реками, все, что было разгромлено, уничтожено и убито, вернется на свои места, словно в прокручиваемом в обратную сторону фильме. Город все еще был обнаженным и искалеченным, на дорогах валялись трупы лошадей и красных солдат, над которыми кружили жуки и мухи, но скоро и их не станет. Порты отремонтируют. Железнодорожные пути исправят. Выбоины от снарядов на дорогах залиют асфальтом. Из руин поднимется мирная жизнь, строительный раствор закроет зияющие в стенах дыры, разрушенные дороги больше не заставят путешественников менять маршрут, свечи можно будет убрать со стола в коробки, в квартирах загорятся электрические лампочки, сосланные вернуться, Йохан придет домой, и никого больше забирать не будут, никто больше не исчезнет, не будет никакого ночного стука в дверь, и Германия выиграет войну, что может быть лучше? Вновь наступят будни. И хотя именно этого Юдит только что желала, мысль в мгновение ока стала вдруг невыносимой и вызвала панику. Те будни, что ожидали ее в ближайшем будущем, не были буднями, о которых она мечтала. За окном лежал город, свободный от большевиков, — сапоги первых репатриантов уже пылили по его улицам, вскоре он наполнится эстонскими, немецкими и латвийскими военными формами, а также кружащими вокруг них девушками, дамами, невестами, вдовами, матерями, дочерьми, сестрами, бесчисленным количеством галдящих, всхлипывающих и пританцовывающих женщин.

Юдит не хотела встречать жен, которые будут говорить о своих возвращающихся домой мужьях или о своих женихах, отцах и братьях, пришедших из лесов или сбежавших из отрядов Красной армии, сражающихся в Эстонии или на Финском заливе. Ей нечего было им рассказать, она не отправила мужу ни одного письма. Хотя она пыталась, доставала бумагу и чернила, садилась за стол, но рука отказывалась выводить слова. Первая буква его имени казалась слишком тяжелой, первое предложение было невозможно придумать, она не могла написать письмо тоскующей жены, а только такие и можно отправлять на фронт. Все ночи, когда они пытались безрезультатно, и все те ночи, когда они даже не пытались, стояли у нее в памяти, она не забыла ни одного мгновения, когда подбирала блузку с как можно более открытым декольте, но так и не смогла обратить внимание мужа на свою грудь. Она помнила ту неловкость, что ощущала после этого, помнила, как все ее мечты, все надежды, все чаяния оказались напрасными, помнила, как только что обвенчанный муж оттолкнул предложенную ему грудь, отодвинул на другую половину кровати, как отодвигают на другой край стола испорченное блюдо.

В самом начале большевистской власти он, как и все, ушел прятаться от мобилизации на чердаках, и Юдит вздохнула с облегчением. Она заполучила целиком всю кровать, но, конечно, не забывала морщить лоб, изображая жену, беспокоящуюся о своем муже. Когда его схватили во время выхода за продуктами и запихали в черную эмку, Юдит удалось напол-